

ЭТИКА И НАУКА: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И. О. Надточий

Воронежская государственная лесотехническая академия

Поступила в редакцию 15 октября 2010 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимоотношения этики и науки на новом витке развития современного философского процесса. Подвергаются рассмотрению традиционные типы этих взаимоотношений, в которых ставится либо вопрос о научности этики, либо об этической нейтральности науки, либо о профессиональной этике ученого. Критически рассматривается вариант научной этики, в котором этика выполняет инструментальную функцию по отношению к гедонистическим потребностям современного общества.

Ключевые слова: этика, наука, философия, профессиональная этика, благо, позитивизм, гуманитарное знание, научно-технический прогресс.

Abstract: this paper addresses the problem of relationship between ethics and science at a new stage of development of modern philosophical process. Subject to consideration of the traditional types of relationships in which either put the issue of scientific ethics or the ethical neutrality of science or of ethics scholar. Critically consider the option of scientific ethics in which morality serves an instrumental function in relation to hedonic needs of modern society.

Key words: ethics, science, philosophy, professional ethics, welfare, positivism, humanitarian knowledge, scientific and technical progress.

Одна из наиболее важных, сложных и актуальных задач современной философии науки заключается в том, чтобы понять, как наука и научность проявляют себя в системе гуманитарного знания, в частности, в такой его древней и универсальной отрасли, как этика. Вопросу о взаимоотношениях этики и науки в XX в. было посвящено необъятное количество литературы, поэтому нет нужды выделять даже наиболее важные и принципиальные решения, возникавшие в ходе острых и подчас драматических дискуссий. Сейчас, скорее всего, подчеркивается неудача в решении этого вопроса, которая привела ко многим (в том числе и к глобальным технологическим и гуманитарным) проблемам. Так В. С. Степин говорит сегодня о «выработке новой стратегии цивилизационного развития», поскольку «антропологический кризис, растущие процессы отчуждения и проблемы сохранения личности» неуклонно требуют этого [1].

Придание стратегии научно-технического гуманистического (т.е. этического) измерения – таков, можно сказать, нравственный императив современных ученых, которые столкнулись перед более высокой миссией, нежели разделение на свои узкопрофессиональные интересы, замкнувшие их в уже порочном круге либо «естественников», либо «гуманитариев». Не отрицая специфики «научной картины мира», и, соответственно,

«гуманитарной», сейчас необходимо говорить о более глобальных изменениях вопроса, которые исходят из антропологической целостности человека, не терпящего искусственного разделения на «материальное» и «духовное», «природное» и «культурное», «идеальное» и «реальное» и т.д.

Человек в своей целостности есть извечная проблема (если не загадка) именно философии, которая эту целостность стремилась и стремится постичь, обогащая тем самым существующие представления о человеке и его культуре. Сегодня целостное изучение человека предполагает, прежде всего, более тесный контакт *этики и философии*, что подразумевает возвращение философии ее *исконного этического фундамента*, который был утрачен в ходе дифференциации самой философии, происходящей на фоне расщепления, или, по словам А. Койре, «разрушения космоса».

В результате философия утратила претензии на всеобщность, универсальность и нормативность, и при этом, как справедливо отмечает В. М. Розин, «...никто кроме философии, не может взять на себя функции целостного осмысления мира (жизни), ценностного самоопределения человека в целом, критического самосознания. Через философию по-прежнему осуществляется разработка и проведение таких идей, которые призваны сохранять культуру и саму жизнь человека; в этом плане философия – это не только коллективный, соборный разум, но и важный для здоровья культуры орган. Наиболее отчетливо эта функция философии проявляется в создании и манифестации философами этических идей и принципов» [2]. Иными словами, речь сегодня идет не только об этизации науки, но и об *этизации самой философии*. Как говорит А. А. Гусейнов: «Не было, не бывает, не может быть такого, чтобы философская система сохраняла свою самодостаточность, ценность при одновременном крахе ее этических проектов. Философия без этики – все равно, что человек без сердца» [3, с. 27].

Если дать несколько огрубленную картину, то участники дискуссии о взаимоотношении этики и науки делятся на тех, кто отрицает науку во имя этики, тех, кто отрицает этику во имя науки, и тех, кто пытается каким-то образом их примирить, найдя разумный компромисс. Главное здесь, на наш взгляд, не занять какую-то определенную точку зрения и попытаться ее оправдать, найдя строго логическую аргументацию в свою пользу, но попытаться осознать во всей глубине и полноте наличие самой проблемы, возникающей в контексте столкновения морали и науки, этики и техники, нравственности и прогресса.

В определенном смысле этот конфликт уже чувствовали наиболее чуткие и духовно зрелые мыслители XIX в. (среди них Н. Ф. Федоров, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, Ф. Ницше и многие другие), сформировавшие новую парадигму в философии («философия техники»), наиболее яркими представителями которой явились К. Ясперс и М. Хайдеггер. Среди отечественных исследователей хотелось бы выделить фигуру советского этика О. Г. Дробницкого, который в 70-е г. XX столетия, наблюдая одновременно и за интенсивным научно-техническим развитием современной цивилизации, и за рефлексией этого процесса в западной философии, констатировал достаточно глубоко и определенно

само существо возникшей проблемы. Он писал: «Условия научно-технической революции создают специфическое измерение проблемы – техника против нравственности, наука против ценностей, могучие средства против гуманных целей, познание фактов и всепронизывающей необходимости происходящего против смысла и высшего назначения жизни, материальное изобилие на фоне духовной нищеты» [4].

Все эти проблемы с поразительной точностью проецируются в наше время, причем с явной тенденцией к ухудшению всех перечисленных показателей, так что остается удивляться пронизательности философского взгляда советского этика. С одной стороны, имеет место интенсивное развитие научно-технической сферы, которая, как правило, индифферентна к этическим предписаниям, тем более, если они тормозят сугубо технологическую эффективность, а с другой, наблюдается определенная растерянность среди гуманитариев, для которых очевидны пагубные последствия техногенного развития в ущерб человеку, его духовно-нравственному миру.

Если обратиться к западной философии XX в., то в нашем контексте вызывают интерес воззрения П. Фейерабенда, который в духе Ницше и Достоевского заявляет о вредоносности идеи о том, что наука может и должна развиваться согласно «фиксированным и универсальным правилам», поскольку это приводит к «росту нашей профессиональной квалификации за счет нашей человечности» [5]. Это действительно важная проблема *этического* плана: что важнее – *безличностный рост знаний*, который предполагает научная профессионализация, или *нравственный рост личности*, практически никогда не связанный ни с какими научными знаниями и представлениями. В конечном счете за этой формулировкой вопроса стоит одна из глобальных проблем современности, связанная с тем, что *научно-технический прогресс никогда и нигде не способствует и тем более не приводит к нравственному прогрессу*.

К началу нынешнего тысячелетия уже сформировалась достаточно жесткая концептуальная парадигма, в которой проблема взаимоотношения *этики и науки* решается в рамках одного из следующих подходов:

- во-первых, ставится вопрос о том, является ли сама этика наукой или нет;
- во-вторых, ставится вопрос об этической нейтральности науки;
- в-третьих, говорится о проблемах этики той или иной науки, т.е. о профессиональной этике.

Эти устоявшиеся подходы уже не выполняют главной миссии этики по отношению к науке, поэтому налицо усугубление имеющегося кризиса в обществе и культуре. Более того, они уведут исследование в совершенно другую область, далекую от болевых вопросов взаимоотношения этики и науки. Но поскольку эти подходы распространены, то кратко коснемся их всех.

1. Относительно того, является ли этика наукой, можно сказать, что она является (или не является) наукой в той мере, в какой является (или не является) наукой сама философия. Это вопрос неоднозначный, всегда вызывавший бурные дискуссии сторонников и противников, считать ли философию

фию наукой или нет. В рамках данной статьи нет места подробно входить в эту достаточно сложную, давнюю и интересную проблематику*. Отметим лишь, что, с нашей точки зрения, философия не является наукой в строгом смысле, и в этом ее интеллектуальная, духовная и культурная самобытность. В любом случае полагание философии наукой лишает философию чего-то существенного, бытийно глубинного, что отличает ее от других форм духовной деятельности (от науки, религии, искусства). В этом смысле о философии в ее существовании достаточно полно и определенно высказался М. Хайдеггер в работе «Der Spruch des Anaximander»: «Философия не происходит от мифа. Она про-ис-ходит лишь из мышления в мышление. Но мышление есть мышление бытия. Мышление не про-ис-ходит, коль скоро существует бытие. Однако падение мышления в науку и в веру – вот злая судьба бытия [7]. Это определение свидетельствует о самостоятельном, независимом от науки и религии предметном поле философии.

2. Относительно *этической нейтральности* науки можно привести емкое и показательно исчерпывающее высказывание Питирима Сорокина: «Всякая этическая оценка науке как науке чужда. Чужда потому, что оценка не связана сущим (бытие определенного факта ничуть не мешает признать его морально-отрицательным); потому что логическая необходимость и этическая необходимость – две вещи разные; потому, наконец, что этическая необходимость субъективна и логически не доказуема, и обратно, логически правильное утверждение может быть признано «вредным», «безнравственным», этически ложным и недопустимым» [7].

П. Сорокин делает «нейтральные» выводы об этической нейтральности науки. Однако есть более радикальная точка зрения (и, как мы полагаем, более справедливая), которую озвучил современный немецкий философ П. Слотердайк, сказав о *цинизме современной науке и знания*. В своей известной книге «Критика цинического разума» он пишет о том, что «подлинная и наиболее глубокая связь наук с цинизмом проявляется в самой структуре и методах современного естествознания как таковых». Ключевым феноменом здесь оказывается *позитивизм*, который Слотердайк определяет не как «некий научный менталитет», который был бы скорее его «почетным титулом», а как то явление, которое сделало «науку совершенно беспринципной».

Относительно этической нейтральности науки, спровоцированной позитивизмом, Слотердайк говорит довольно жестко и определенно: «Есть

* Выделим лишь некоторых, наиболее значимых авторов и их работы, в которых остро ставится вопрос о научности философии, вообще о взаимоотношении науки и философии: Ницше Ф. «Веселая наука», Мигель де Унамуно «О трагическом чувстве жизни у людей и народов», Шестов Л. «Апофеоз беспочвенности», Бердяев Н. А. «Опыт парадоксальной этики», Лосев А. Ф. «Диалектика мифа», Вернадский В. И. «Научное мировоззрение», Бубер М. «Затмение Бога», Фейерабенд П. «Против метода», Ясперс К. «Философская вера», Хайдеггер М. «Основные понятия метафизики», Агацци Э. «Человек как предмет философского познания», Кожев А. «Атеизм», Гачев Г. Д. «Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию)», Порус В. Н. «Рациональность. Наука. Культура» и др.

«предметы исследования», по отношению к которым не может быть никакой научной беспристрастности, – только «пристрастные» и заинтересованные формы исследования. Яснее всего это обнаруживается в сфере гуманитарных и социальных наук... Краткая формула, выражающая суть истории науки в этот век, должна звучать так: путь сциентизма от позитивизма к теоретическому цинизму (функционализму)» [8].

3. Компромиссное решение о взаимоотношении этики и науки, казалось бы, найдено в профессиональной этике (или прикладной этике). Это целая отрасль современной гуманитарной индустрии, имеющая огромное количество адептов и свои социальные институты. Однако и здесь имеются существенные проблемы, связанные с недостаточным философским осмыслением проблемы. В настоящее время происходит, можно сказать, *выхолащивание этики*, превращение ее в инструмент по обслуживанию интересов современной культуры и общества, которым всегда требуется какая-то моральная регуляция. Этика приобретает *прикладной* характер, а сами этики вместо размышления над фундаментальными проблемами бытия по преимуществу занимаются созданием профессиональных этических кодексов для специалистов различных областей. Тем самым смысл этики все больше и больше видится в том, чтобы выполнять инструментальную функцию социального регулятора. Этика становится правовым механизмом в конечном счете.

Безусловно, наше общество сегодня нуждается и в полноценной прикладной этике. Проблема, однако, в том, что этика теряет свою фундаментальность, теряя философичность. Нечто подобное в 20-е г. XX столетия отмечал Г. Г. Шпет, правда, говоря о современном ему состоянии эстетики. Он писал: «Эстетика натурализируется, психологизируется, этнологизируется, социологизируется, вообще занимается пустячками, «фактиками», сплетнями о происхождении и о похождениях искусств. Собственно высокий стиль эстетики стал непонятностью, потому что недостаточно понятным, иностранным, стал сам разум» [9].

Весьма схожие процессы, о которых Г. Г. Шпет говорил в свое время применительно к эстетике, имеют место сегодня и в этике, когда «прикладное» заслоняет сущностное, когда частные, посторонние проблемы выдаются за главные под титулом этики. Шпет говорил, что «высокий стиль эстетики» стал непонятным, можно сказать, что сегодня нравственное размышление стало непонятностью. Современный исследователь Н. В. Голик пишет, что «сознание современного человека часто оказывается поверхностным, неспособным к метафизическому измерению обсуждаемых вопросов», и поэтому оно «не восприимчиво к такому свойству нравственного, как абсолютность, «пронизанность» ею всех сфер человеческого бытия» [10]. Тем самым попытки абсолютизировать прикладную этику, видеть в ней панацею от всех существующих проблем, являются утопичными, более того, опасными, так как уводят от существа самой философии на периферию частных (пусть и важных) вопросов, которые могут быть решены иными, нежели этико-философскими способами (например, через правовое регулирование).

Таким образом, все перечисленные подходы к взаимоотношению этики и науки страдают односторонностью и неполнотой и требуется новое философское осмысление, которое возможно через более глубокое осознание принципиального и фундаментального *тождества этики и философии* [11; 12; 13]. Это осознание открывает новую перспективу решения вопроса о взаимоотношениях этики и науки, которую мы обозначили понятием «*научная этика*». Прежде всего, необходимо уточнить, что научная этика – это не этика науки в традиционном смысле, т.е. система определенных норм, правил, запретов («этических принципов»), которыми должен руководствоваться ученый в своей профессиональной деятельности, чтобы не нанести вред окружающему миру своими научными изысканиями.

В нашем понимании научная этика – это, скорее, некий мировоззренческий принцип, особая духовная практика, которой придерживается большинство людей, не имеющих, как правило, никакого отношения к науке. Такой тип этики вырабатывает всеобщие принципы жизни, основывающиеся на физиологических, материалистических, натуралистических, т.е. *посюсторонних* о ней представлениях. Это такая система ценностей, которая отрицает метафизику как принцип и объяснение мира, метафизику и как философию, и как теологию. Это этика здравого смысла и обыденного сознания, для которой определяющим является прагматизм и утилитаризм.

Среди многообразия работ данного типа выделяется книга Г. Спенсера «*The Principles of Ethics*» («Научные основания нравственности»), представляющая собой классический пример того, как мировоззренческая система этики строится по типу науки. Главный замысел Спенсера заключается в том, чтобы дать *научное обоснование нравственности*, которое приходит на смену религиозному, потерявшему, по его мнению, свою силу. Именно наука как «истинное знание» должна объяснить мироздание и, на основании этого, дать верные рекомендации для правильного поведения.

Эволюционная этика Спенсера выходит в итоге на *гедонистический принцип* как естественное и неизбежное следствие из своих научных концепций о мире. Наслаждение, удовольствие являются закономерными следствиями («принципами жизни»), исходящими из строго детерминированной биологической картины мира. Спенсер почти в императивной форме постулирует свое *этическое кредо*: «Всякая школа неизбежно должна признать конечную нравственную целью известные, желательные состояния, чувствования, как-бы они не назывались, – удовольствием-ли, наслаждением или счастьем. Удовольствие, где-бы оно ни было, когда-бы оно ни было, для какого-бы то ни было существа или существ, составляет основной, невыделимый, элемент этого понятия. Этот элемент есть необходимая форма нравственной интуиции все равно, как пространство есть необходимая форма умственной интуиции».

В конечном счете, высшие цели и задачи этики определяются Спенсером следующим образом: «Этика имеет своим предметом наиболее высокоразвитое поведение наиболее высокоразвитого существа человека...

она исследует все поведение, которое благоприятствует или мешает прямым или косвенным целям благополучия собственной личности или других» [14].

Таким образом, этика, «обнимающая собою законы хорошего житья вообще», имеет явно утилитарный характер. Научное мировоззрение, проявленное в эволюционной теории наиболее существенным образом, в качестве своей главной цели предлагает утилитарно-эвдемонические цели, поскольку существование человека в мире ограничивается посюсторонней реальностью, а человек представляет собой единство материального (биологического), не имеющего иных (трансцендентных) измерений. Поэтому Спенсер уделяет такое огромное значение вопросам питания, отдыха, культуры и др., которые являются предметами изучения других наук (этикет, гигиена, медицина и т.д.).

Дальнейшее развитие данной парадигмы этики приводит к созданию мощной отрасли современной культуры – *биоэтики*, которая стала своего рода стилем жизни и мировоззренческим принципом, в рамках которого решаются уже не столько этические (как было задумано изначально), сколько социально-правовые задачи. Этика эволюционировала в биоэтику, оторвавшись от своего философского начала, которое всегда держит человека в напряжении нравственного поиска. Поскольку это не соответствует гедонистическому формату современного стиля жизни, то биоэтика с ее правовым, а не нравственным регулированием становится самой распространенной и массовой формой научной этики.

Если рассмотреть истоки данного типа этики, то придется согласиться с П. Слотердайком, что он является порождением *позитивистской парадигмы культуры*, которая приводит к тому, что «онаучиванию» подлежит буквально все, в том числе и этика. В недрах абсолютизированной науки появляется научная философия и формируется научная этика, которая строится по тем же принципам, по которым строится наука. Ситуацию *превращения этики в науку*, в теорию, оторванную от реальной жизни с ее духовно-нравственными запросами, современный известный специалист в области этики А. А. Гусейнов объясняет тем, что «...философия передала свои этические полномочия сперва теологии, потом науке, ограничив себя по преимуществу познавательными задачами – общей теорией, методологией, логикой, техникой мысли. Она как бы сняла с себя ответственность за рай. Это значит: она стала понимать себя как мысль, но не как жизнь. Она оторвала мысль от жизни» [3, с. 26]. Этика превращается из *практической мудрости в теорию жизни*, что можно назвать *научной этикой*. Именно в таком виде этика и стала академической дисциплиной в образовательном процессе современной высшей школы.

В свое время, правда, по другому поводу, Л. Шестов заметил, что наука и этика глубоко переплетены: «Мораль научна – наука моральна». Это особенность и научного, и философского мышления современной эпохи, которую в начале прошлого века весьма тонко и пронизательно заметил русский философ. Следуя за С. Кьеркегором, Шестов утверждает, что наука в морали получает свою оправданность, а мораль в науке – свою

достоверность. «Нравственность и наука – родные сестры, родившиеся от одного общего отца, именуемого законом или нормою» [15]. Но это возможно лишь в том случае, если этику строить по типу науки, т.е. полагать *знание блага этого мира* определяющим, а роль *разума* в обосновании морального блага – решающим.

Парадоксальным образом, но даже *постмодернистская этика* (поскольку постмодернизм – это философское течение, а никакая философия немыслима без этики) имеет научные принципы в основе своих построений. Правда, в данном случае речь идет не о классической науке с ее принципом логоцентризма, являющегося главным предметом критики постмодернизма, а неклассической, в которой господствующими являются синергетические принципы нелинейности, флуктуации, бифуркации, стохастические процессы и т.д.

Таким образом, взаимоотношения этики и науки в контексте современной и философской культуры и культуры как таковой выстраиваются по линии доминирования научности как главного принципа жизни. Это общая тенденция современной философии и культуры, которая носит все более прагматичный и инструментальный характер, соответствующий духовным запросам человека информационной эпохи. Вопрос о том, насколько современные запросы соответствуют константным («вечным») запросам человеческого духа и насколько сильно в них представлена философия, остается открытым. Тем самым, пространство философского дискурса, призванного решать эти вопросы, остается, как всегда, незавершенным, а значит, потребность в самой философии в ее классическом варианте, несмотря на жесткий инструментализм современной жизни, приобретает новые измерения и обороты, что является бесценным для подлинного философского творчества.

Литература

1. *Степин В. С.* Стратегии ненасилия и развития цивилизации / В. С. Степин // Философия и этика : сб. науч. трудов. К 70-летию академика А. А. Гусейнова. – М., 2009. – С. 556.
2. *Розин В. М.* Проблема целостного изучения человека / В. М. Розин // О человеческом в человеке / под ред. И. Т. Фролова. – М., 1991. – С. 83.
3. Интервью с академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым // Философия и этика : сб. науч. трудов. К 70-летию академика А. А. Гусейнова. – М., 2009.
4. *Дробницкий О. Г.* Научно-техническая революция и проблема нравственного развития человека / О. Г. Дробницкий // Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. – М., 1977. – С. 318.
5. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – М., 2007. – С. 295.
6. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге : сб. / М. Хайдеггер. – М., 1991. – С. 52.
7. *Сорокин П. А.* О русской общественной мысли / П. А. Сорокин. – СПб., 2000. – С. 68.

8. *Слотердайк П.* Критика цинического разума / П. Слотердайк. – М., 2009. – С. 450, 451.

9. *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Г. Г. Шпет. – М., 2007. – С. 185.

10. *Голик Н. В.* Этическое в культуре / Н. В. Голик. – СПб., 2002. – С. 5, 13.

11. *Надточий И. О.* Philosophia perennis, или о единстве этики и философии / И. О. Надточий // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Серия: Философия. – 2009. – Вып. 12. – С. 80–95.

12. *Надточий И. О.* О парадоксальности философской этики / И. О. Надточий // Социально-гуманитарные знания. – М., 2010. – № 4. – С. 209–278.

13. *Надточий И. О.* О тождестве этики и философии / И. О. Надточий // Вестн. Тамб. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 1. – С. 95–107.

14. *Спенсер Г.* Научные основания нравственности / Г. Спенсер. – СПб., 1896. – С. 297.

15. *Шестов Л. И.* Апофеоз беспочвенности / Л. И. Шестов. – М., 2001. – С. 326.

Воронежская государственная лесотехническая академия

Надточий И. О., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии

E-mail: inad@yandex.ru

Tel.: 8 (4732) 35-22-63; 8-910-347-22-30

Voronezh State Academy of Forestry Engineering

Nadtochiy I. O., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Philosophy Department

E-mail: inad@yandex.ru

Tel.: 8 (4732) 35-22-63; 8-910-347-22-30